

Хольм ван Зайчик

ДЕЛО НЕПОГАШЕННОЙ ЛУНЫ

Перевод с китайского
Евстафия Худенькова и Эммы Выхристюк

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
З-17

Издательство выражает глубокую благодарность Хольму ван Зайчику за любезно предоставленную рукопись и разрешение на публикацию

Серийное оформление Егора Саламашенко
Оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий
Иллюстрации Антона Ломаева

Зайчик Х. ван

З-17 Дело непогашенной луны : роман / Хольм ван Зайчик. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 672 с. — (Евразийская симфония).

ISBN 978-5-389-28138-7

Альтернативная история. Наши дни. От Балтийского до Желтого и Красного морей раскинулась на Евразийском континенте — с заходом на Средний Восток — многонациональная и многоконфессиональная Ордусь. Образовалась она в седой древности, но число входящих в нее областей постоянно растет — всего шестьдесят лет назад был создан Иерусалимский улус. Несмотря на постигшее государство несчастье — безвременную кончину императора, — на грядущий великий Всеордусский праздник собираются гости... Разные дороги приводят туда честных человекоохранителей: достигшему высот карьеры Великому цензору минфа Богдану Оуянцеву-Сю надлежит помимо участия в торжестве решить государственную проблему с противуастероидным похищенным оружием, а пребывающему в бессрочном отпуске ланчжуну Багатуру Лобо — выследить скорпиона, ставшего причиной гибели хвостатой невесты преждежденного Судьи Ди. Всё разрешится в Иерусалиме...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Хольм ван Зайчик, 2025
© Антон Ломаев, иллюстрации, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-28138-7

От редактора

Почему нас не сердит тот, кто хром на ногу, но сердит тот, кто хром разумом? Дело простое: хромой признает, что мы не хромоноги, а недоумок считает, что это у нас ум с изъяном. Поэтому он и вызывает не жалость, а злость.

Блез Паскаль

— Но если у людей иные убеждения, — раздалось сзади, — почему они должны страдать не из-за своих, а из-за ваших?

— Порядочный человек не может иметь иных, чем у меня, убеждений, — тихо и твердо ответил Мордехай.

Хольм ван Зайчик

«Дело непогашенной луны» открывает третью цзюань цикла ордуских романов Хольма ван Зайчика «Евразийская симфония».

Ордусь — страна, которой нет на наших современных картах, — распространилась от моря и до моря: в центре, как положено даже в альтернативной геополитике, Цветущая Средина (собственно Китай), по окраинам — семь улусов. Три столицы: Ханбалык

на востоке, Каракорум в центре и Александрия Невская на северо-западе.

В переводе с китайского «цзюань» означает «свиток». В Старом Китае книги писали на шелке; шелковые полотнища затем накручивали на деревянные палки, а получившиеся свитки вкладывали в футляры и, наклеив на них ярлыки с названиями сочинений, убирали в бамбуковые короба.

Первая цзюань цикла, в которую входят три романа — «Дело жадного варвара», «Дело незалежных дервишей», «Дело о полку Игоре», — цзюань детективная. Столичный разыскных дел мастер Багатур Лобо по прозвищу Тайфэн и ученый-законник Богдан Рухович Оуянцев-Сю расследуют разнообразные человеконарушения, которые имели место в Александрии Невской.

Вторая цзюань, которую составляют «Дело лисоборотней», «Дело победившей обезьяны» и «Дело Судьи Ди», — цзюань мистическая: здесь расследуются дела непривычные, разуму понятные, но — странные, таинственные.

Третья цзюань начинается с романа этического, основное содержание которого я бы определила максимальной Блезе Паскаля: «С какой легкостью и самодовольством злодействует человек, когда он верит, что творит благое дело».

«Дело непогашенной луны» рассказывает о том, откуда пошел быть Иерусалимский улус и что из этого вышло, а значит, это роман о еврействе (в терминологии Ордуса — «ютайстве»). Одновременно это роман идеалов и об идеалах.

У нас популярна и модна стала теория, согласно которой любые идеалы — это не более чем фетиши, во имя которых многие века по всему миру льется кровь, и значит — фетиши вредоносные.

Религиозные идеалы были причиной крестовых походов, они воспламеняли костры, на которых сотнями сжигали ведьм и еретиков, они обеспечили Варфоломеевскую ночь, они были и продолжают быть знаменем всякой войны за веру или против неверных.

Но еще больше людей погибло за идеалы внерелигиозные. Казалось бы, нет ничего прекраснее и разумнее коммунистических идеалов, однако сколько крови пролилось во имя коммунизма! А как разрушительна и смертоносна нацистская идеология! Или вот пропагандируется полная веротерпимость — вплоть до утраты религиозной аутентичности, составляющей основу любой культуры; насаждается специфическое понимание либертарианства — вплоть до полного отчуждения одного человека от другого; продвигаются огнем и мечом выхолощенные идеи демократии.

Идеалы умирают, скудеют, низводятся до идейных лозунгов, до которых так охочи политики, особенно во времена новой избирательной кампании.

Между тем на идеалах человеческая цивилизация стоит в гораздо большей степени и гораздо дольше, чем на идеях технического прогресса, глобализации и политкорректности. Сшибать палками бананы с деревьев, то бишь пользоваться орудиями, можно научить и обезьяну, но только идеалы делают человека

человеком. Выдерни их из-под цивилизации — цивилизация рухнет. Останутся здания и механизмы, а человек — исчезнет.

Выработке правил безопасности при обращении с идеалами и посвящен новый роман.

Кому-то может показаться, что в данной книге Хольм ван Зайчик зачем-то развенчивает Ордусь. Но это не так. Всякий раз мы смотрим на вещи не только с иной стороны, но и другими глазами, поэтому нам и кажется, что сами вещи переменились. Однако вернее говорить, что изменились мы, Ордусь же осталась неизменной: это по-прежнему страна, где хочется жить, просто она стала более реальной.

Все больше места занимают в романе живые хорошие люди, которым присущи обыденные недостатки: ограниченность, неспособность всегда и во всем понимать и принимать другого, а подчас и агрессивность, которая сама по себе отнюдь не является неизбежно дурным качеством. Защищать то, что человеку кажется правильным и справедливым, невозможно без толики агрессивности, не правда ли? А способность во всем и всегда понимать других не чревата ли потерей самого себя?

Человек живет не только земным и суетным. Для того, чтобы остаться человеком, ему нужно поднимать очи горé, нужно стремление вперед и вверх. И потому идеалы — единственный по-настоящему действенный и в то же время добрый способ уберечь человека от себя самого. Ведь большинство людских качеств оказываются хорошими или плохими лишь в зависимости от того, ради чего и во имя чего че-

ловек пускает их в ход. От этого зависит, будет ли агрессивность направлена на защиту слабых или на их угнетение, будет ли способность стоять на своем превращать человека в ограниченного и никчемного фанатика или делать его достойным доброжелательным собеседником... Но «ради чего», «во имя чего» — как раз и есть идеалы. Их двойственности и трагичности и посвящена книга.

«Давным-давно Конфуций сформулировал основные принципы уважительного отношения человека к государству и государства к человеку, приравняв государство и семью. Служа отцу, можно научиться служить государю, учил он, а заботясь о сыне, можно научиться заботиться о народе...

Нигде, кроме семьи, нельзя научиться любить людей, которые не друзья тебе, не единочаятели, не коллеги и не возлюбленные, которых не сам ты выбрал, но судьба посадила вас в одну лодку; людей, которых надо любить просто потому, что надо, потому что любить их — правильно, а не любить — неправильно. Со всеми их отличиями от тебя, со всеми их недостатками, так бьющими в глаза при каждодневном совместном бытии», — пишет ван Зайчик.

Только с этим семейным стержнем внутри и смогла Ордусь спасти ютаев. Она спасла их от враждебного мира, но не спасла от них самих. Ютаи таковы, какими были и век, и другой назад. То, что они истово почитают себя одних богоизбранным народом, живут особо и иноплеменников сторонятся, а культура их состоит из запретов и способов эти самые запреты обойти, раздражает, а подчас от раздражения

этого подчас трудно отмахнуться. И тогда довольно искры, чтобы полыхнуло: естественная человеческая ограниченность и агрессивность ведут людей на улицу, и вот снова бьют ютаев, спасают Теплисский уезд. Необходимости мирного сосуществования различных идеалов также посвящена эта книга.

Новые идеи вызывают к жизни и новых героев: едва ли не самой важной в романе оказывается история любви знаменитого ордусского физика Мордехая Ванюшина и его жены Магды Гутлюфт. Горькая эта любовь и радует, и заставляет страдать. Магда — неиссякающий источник жизненных сил мужа и одновременно страстный разрушитель человеческой сущности Мордехая.

В романе «Дело непогашенной луны» много любви: неизбежное расставание Бага и принцессы Чжу Ли, трагическая и окончательная развязка отношений Богдана и Жанны, несостоявшееся семейное счастье Судьи Ди и кошки Беседер... Жизнь течет в полном соответствии со старинной поговоркой: злые вредят, а добрые — мучают. И эта самая мучительность обыденной жизни составляет ноющий нерв романа, по напряженности чувств ничуть не уступающего «Делу лис-оборотней», которое до сих пор было самой трагической книгой ордусского цикла.

Седьмая книга... в ней, как и в прочих, Хольм ван Зайчик все время пишет об одном и том же — о необходимости во всякой ситуации оставаться человеком, соблюдая в себе человеческое, пестуя и оберегая его.

Ольга Трофимова

Учитель предложил ученикам ролевую игру в семью народов и велел выбирать.

— Я буду немцем, — сказал Мэн Да.

— Я буду русским, — сказал Му Да.

— А кто будет евреем? — строго спросил Учитель.

Ученики потупились.

— Хорошо, я выберу сам, — сказал Учитель, и, поразмыслив, решил: — Евреем будет Аб Рам.

— О нет, Учитель! — в ужасе вскричал Аб Рам. — Пощадите! Я не справлюсь! Может, кто-то другой, более мудрый...

Учитель нахмурился и сказал:

— Справишься. Просто надо очень стараться. Терпением и трудом благородный муж способен преодолеть любое препятствие на пути к совершенству. — Помолчал и добавил: — Игра будет долгой. Все успеют побыть всеми.

Конфуций
«Лунь юй», глава 23¹

¹ Дошедшие до нас списки «Лунь юя» («Суждений и бесед») насчитывают двадцать глав. Если читатель помнит, все эпиграфы к первым шести томам «Евразийской симфонии» обозначены Х. ван Зайчиком как взятые из двадцать второй главы. По свидетельству древних комментаторов, глава эта представляла собою квинтэссенцию конфуцианской мудрости и была написана Учителем собственноручно за несколько месяцев до кончины. Она считалась утерянной еще во времена царствования Цинь Ши-хуанди (221–209 гг. до н. э.), во время его знаменитых гонений на конфуцианскую ученость. Однако память о ее существовании сохранилась в истории, а потому переводчики не могут исключить, что в руки Х. ван Зайчика и впрямь попал где-либо уцелевший список этого легендарного текста. Иное дело — настоящий эпиграф. О том, что «Лунь юй» имел еще и двадцать третью главу, никаких упоминаний в источниках не сохранилось — это переводчики могут заявить с полной ответственностью. Вначале, что греха таить, увидев в тексте великого евразийского гуманиста иероглифы эр ши сань (二 + 三) вместо привычных эр ши эр (二 + 二), т. е. «23», а не «22», переводчики решили, что

в текст просто вкралась опечатка. Однако и стилистика эпиграфа, и его концептуальные, содержательные моменты столь же отличаются от двадцать второй главы (известной нам, правда, лишь по эпиграфам из первых двух цзюаней эпопеи да еще из «Дела поющего бамбука»), сколь и сам настоящий роман — от предыдущих цзюаней серии. Переводчики считают крайне маловероятным, что данный текст может принадлежать двадцать второй главе «Лунь юя», следовательно, об опечатке здесь и речи нет. Остается, таким образом, либо принять на веру то, что написал здесь сам Х. ван Зайчик, либо проявить вопиющее неуважение к замечательному писателю и голословно, не имея ни малейших доказательств собственной правоты и руководствуясь лишь абсолютизацией своего незнания, обвинить ван Зайчика в мистификации (*здесь и далее — примеч. переводчиков*).

Пролог

Агарь, Агарь!..

Ничего еще не было решено.

По дымчатому зеркалу пруда скользили, выгибая шеи и любуясь собой, лебеди; тонкие черные усы раздвинутой воды медленно плавали вслед за ними — преданно и поодаль, будто не в силах расстаться и не решаясь догнать. И пахло щемяще, прощально: стынувшей водой, опадающей листвой... Вечер. Осень.

Он любил это миниатюрное, тихое и дорогое кафе, спрятанное в маленьком парке так, как прячутся дети — «Ой, ты где? Ой, я тебя потеряла! Ах вот ты где, маленький мой, за кленчиком!». Чуть ли не каждый день он приходил сюда вот уж несколько лет; порой дважды в день, и в завтрак, и в ужин. Пока тепло — сидел на открытой террасе у самой воды, в холода — внутри... Он был молод, но привычками уже напоминал старика. Он понимал это, понимал, что слишком рано становится рабом умильно сладких мелочей и мучительно сладостных воспоминаний; наверное, так мстил ему мировой закон рав-

новесия, давно предощувив, что он — нарушитель в главном, и потому смолоду стараясь припечатать его к монотонности хотя бы в пустяках.

*Но как не прийти сюда? Здесь так красиво...
И очень больно.*

Именно там, где ему особенно нравилось бывать, он особенно остро ощущал, что все это — не его. Чужое. Чуждое. Он любил местечко, где родился, до слез; у него до сих пор щемило в груди, когда он, посещая Варшаву, случайно оказывался неподалеку от дома, в котором снимал свою первую городскую комнату, и первые городские улицы его жизни, улицы той поры, когда он с изумлением начал ощущать себя самостоятельным (прежде он и ведать не ведал, что это такое), вдруг стелились под ним теперешним; он обожал миниатюрный благодушный Плонциг, однако ничего не мог с собой поделывать. Он чувствовал постоянно, что он не отсюда — и между всем, что мило сердцу, и самим сердцем разинута вечная трещина с острыми, зазубренными краями.

Иногда он пытался представить, как же счастливы, сами того не понимая, те бесчисленные люди, что могут любить свой маленький мир без мучительной, точно зубная боль, раздвоенности, любить его, как свой, будучи с ним в единстве, словно еще не рожденный ребенок в материнском чреве. Ребенок ведь тоже не осознает, как там ему безопасно и уютно, и понимает, чего лишился, лишь когда исторгается вовне. Ему казалось, уже от одного ощу-

щения этой теплой нераздельности можно быть добрым и всем все прощать...

Представить не получалось. Он был этого лишен.

У всех — дом, у него и таких, как он, — пристанище.

Обман чувств это или реальность? Мания или точное понимание? Он не знал. Но с каждым годом все сильнее пилил и сверлил сердце назойливый древоточец: чувство, что ничего своего у него здесь нет.

И не будет.

И если будет, то не здесь.

К соседнему столику степенно прошествовал, с чисто польской уважительностью неся перед собою живот, серьезный пожилой господин с красивой, со вкусом одетой и выверенно украшенной драгоценностями дамой; так носят бриллианты лишь те, кто к ним привык. Господин этот тоже частенько ужинал здесь; не зная, как зовут постоянного посетителя и его спутницу, кто они и где живут, он тем не менее уже около двух лет раскланивался с ними. И сейчас тоже приподнялся со своего стула и вежливо коснулся пальцами шляпы. Дама, не поворачивая головы, с мимолетной приветливостью улыбнулась в пространство, плавно перетекая в своем платье до пят к привычному месту; дорогая ткань вкрадчиво и ритмично шуршала, словно лебедь чистил перья. Мужчина чуть кивнул.

Показалось или нет, что он кивнул небрежнее, чем всегда?

Показалось или нет?!

Что ж, в нынешнее время с такими, как он, скоро совсем перестанут здороваться... На всякий случай.

А тут еще сон...

У него не получалось вспомнить, что именно снится ему вот уже несколько ночей подряд, но откуда-то он знал, что снится одно и то же. Наверное, из-за одинаковой грозной томительности видения, одинаковой беспомощности, которые душа помнила наутро... Тоска и бессилие. Нет, не так. Тоскливое и бессильное непонимание. Ему нужно было сделать что-то очень важное, оно могло определить всю его дальнейшую жизнь... возможно, не только его, но — многих. Однако во сне он никак не мог сообразить, что именно, а проснувшись, не мог вспомнить, что за выбор поставила перед ним ночь.

Сон Навуходоносора...

Вот только не было Даниила, который поведал бы ему его же собственный незапоминаемый сон и трактовал, что тот значит; он сам должен был стать себе Даниилом¹. Легко сказать...

Помнилось только смутное ощущение нараставшего раз от раза грозного напряжения; и откуда-то

¹ Имеется в виду одна из библейских историй, согласно которой вавилонский царь Навуходоносор несколько ночей подряд видел один и тот же страшный вещий сон, но наутро, вполне осознавая его огромную важность, был не в состоянии вспомнить его содержание. Никто из мудрецов не мог ему помочь. И лишь один из величайших пророков — Даниил — не только сумел рассказать царю содержание сна, но и объяснил его значение. См.: Дан. 2:1–47.

сверху требовательно — все более и более требовательно — нависал и всматривался ему в темя, хмурясь, Бог. Беспощадный и железный, словно зависший прямо над домом ревущий боевой «сикорс», а из бомболюка уже вывернулась, готовая обрушиться вниз, бомба...

Ордусяне, раньше всех начавшие строить и продавать всему миру «сикорсы», утверждают, что боевых у них до сих пор нет. Только спасательные, транспортные... Но кто же им верит, ордусянам? Пусть сколько угодно повторяют, что спокон веку не встречали и впредь не намерены встречать в дела Европы... Никогда не знаешь, чего ждать от этой громады, залегшей по ту сторону границы в каких-то трехстах километрах к востоку от Варшау — и будто в другом мире. Даже если громада неподвижна — уже в самом покое, отточенном ее странной этикой и потому будто явившемся из иных, то ли ушедших, то ли еще не наставших эпох, чудится неведомая опасность, куда более грозная из-за своей непостижимости, нежели пахнущие бензином и смазкой, такие будничные, такие домашние танковые армады англичан.

И даже если и впрямь они, ордусяне эти, были до сих пор столь беспечны, то после того как первые пулеметно-бомбовозные вертолеты герра Фокке и герра Флеттнера взлетели тут, под Мюнхеном, им деваться некуда, начнут строить... Должны бы начать.

Ордусяне. У них свой мир, свои законы. Но ведь именно из Цветущей Средины от небольшой тамошней общины в начале года пришло предложе-

ние приобрести вскладчину обширные пустующие угодья где-то к северу, чуть ли не на границе с Сибирью... Как это называлось? Биби... Бириби... Нет, не вспомнить. Их названия европеец может лишь по бумажке читать, да и то, как правило, по складам. Достаточно того, что это Сибирь — кровь сразу стынет в жилах... Как это они нас там называют? Ютаи¹. Вот это помнится. Звучит почти так же, как здешнее «юдэ», — но отчего-то приятнее для слуха. Странно...

Ничего странного. За этим нездешним словом не волочится тяжкий, весь в грязи и крови, хвост памяти поколений...

Может, там и было бы хорошо. Но опять — вчуже, за тридевять земель, на другом краю земли. Сибирь. Ничем не краше предложенной англичанами Уганды. И даже не от здешних мест на другом краю, не от милого Плонцига — но от Ерушалаима... которого он никогда не видел и, наверное, не увидит никогда.

А потому — какой смысл?

Чужое, чужое... Сколько его было, чужого, за все эти века, что издыхающими динозаврами проползли по Европе?

— Ваш кофе, герр Рабинович.

¹ Ютаями в Китае спокон веку называли евреев. Ютай, или, полностью, ютайжэнь (猶太人) — это, несомненно, в первую очередь транскрипционное обозначение. Однако при желании оно может читаться и по смыслу. Первый иероглиф значит «все еще», «несмотря ни на что», «вопреки», «по-прежнему». Второй употребляется в китайском языке крайне часто и входит, например, составной частью в такие известные слова, как «тайфэн» (в японском чтении «тайфун») — «великий ветер». Третий же иероглиф — это «человек», «люди». Таким образом, в целом «ютайжэнь» значит: «как ни крути — великий народ» или, если выразиться несколько по-ютайски, — «таки великий народ».

Он резко обернулся. Неслышно подошедший кельнер, с лицом пожилым и морщинистым ровно в той мере, чтобы посетители сполна могли прочувствовать устойчивый уют заведения, — почтительно снял со сверкающего подноса чашечку дымящегося кофе и без малейшего стука поставил на стол.

Показалось, или кельнер и впрямь сегодня произнес свое обычное «Герр Рабинович» как-то издевательски? Словно хотел сказать: «Да какой ты мне герр, юдэ...» Словно хотел сказать: «Погоди, недолго мне осталось кланяться тебе, юдэ...» А может, даже не хотел сказать, скорее всего, не хотел — но предвкушение радости избавления от постыдной повинности так переполняло почтенного немца, что его было не скрыть?

— Спасибо, Курт, — проговорил он, стараясь, чтобы голос оставался обыденно беспечным. — И газету, будьте добры.

— Как обычно?

— Да. «Варшауэр беобахтер».

Беззвучно, точно крадущийся в безлунной ночи боец зондеркоммандо, о которых в последний год так много стали снимать в Берлине эффектных боевиков, — юберменьши громят то марсиан, то ордусян, то англичан, — кельнер удалился; не скрипнула ни одна половица.

Пожилый господин и его дама сосредоточенно изучали карты блюд и вин и не поднимали глаз. Потом забил крыльями кем-то потревоженный лебедь; тягучими темными кругами разошлись по светлой воде медленные волны. На том берегу пруда из-за

поворота аллеи, среди по-осеннему пылких молодых кленов и с парикмахерской точностью стриженных кустов краснотала показались люди. Взрослый в черном умело пятился, отмахивая обеими руками ритм и скандируя «Айн-цвай-драй», а следом за ним строем по двое шагали в ногу полтора десятка мальчиков с флажками, в одинаковых коричневого цвета рубашках и шортах. После трех «Айн-цвай-драй» они громко, слаженно выкрикнули хором: «Свободу узникам совести!»

Пожилой господин не отрывал взгляда от карты блюд. Его дама кинула через пруд мимолетный взгляд, чуть сморщилась брезгливо и, наклонившись через столик к своему спутнику, что-то негромко сказала. Господин еле заметно пожал плечами, потом все же поднял на даму глаза и пренебрежительно шевельнул в сторону демонстрантов рукой: не обращай, мол, внимания, скоро уйдут.

— Айн-цвай-драй! Айн-цвай-драй! Айн-цвай-драй!

— Под суд психиатров-карателей!

— Ваша газета, герр Рабинович.

Он вздрогнул.

— Как тихо вы ходите, Курт.

Кельнер с достоинством усмехнулся.

— Айн-цвай-драй! — слышалось, удаляясь; и уже на излете долетело: — Антинародный режим — к ответу!

Нет, подумал он, когда кельнер ушел. Не просто с достоинством. С превосходством.

Отчего нас нигде не любят?

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

ХОЛЬМ ВАН ЗАЙЧИК
ДЕЛО НЕПОГАШЕННОЙ ЛУНЫ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Янина Забелина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щеголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 21.10.2025.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
Усл. печ. л. 35,28. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА*,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-EAS-37154-01-R